

УДК 811.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. О. А. Полякова
г. Ростов-на-Дону, Россия

МОДЕЛЬ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКИХ АППОЗИТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ В ПОЭМЕ-СКАЗКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «МОЛОДЕЦ»

Аннотация: Статья посвящена анализу структурных, семантических и функциональных особенностей народно-поэтических аппозитивных сочетаний в поэме-сказке М. Цветаевой «Молодец». Актуальность темы обусловлена тем, что зачастую только знание фольклорных основ и механизмов их усвоения писателем позволяет понять истинный смысл его произведений. Писатели и поэты обращались к фольклорным текстам, поскольку взаимовлияние фольклора (как средоточия народной мудрости) и литературы (как средства сохранения и передачи потомкам опыта, накопленного поколениями) всегда было плодотворным. Определяя два способа освоения фольклора писателями (прямое заимствование и создание вариаций, обработка, стилизация), автор анализирует особенности освоения М. Цветаевой такого фольклорного элемента, как аппозитивные сочетания. В статье приведена их классификация по лексико-семантическому принципу, согласно которой выделяются тавтологические геминии и семантические, в которых могут быть синонимические, определительные, коллективные и другие отношения между частями. К структурным особенностям аппозитивных сочетаний в поэме-сказке «Молодец» относятся их многокомпонентность и проницаемость. Кроме того, охарактеризованы основные функции аппозитивных сочетаний в поэме-сказке «Молодец» в зависимости от типа. Автор статьи приходит к выводу о том, что М. Цветаева создавала авторские аппозитивные сочетания по существующим фольклорным моделям, что позволило ей остаться в рамках традиции, но при этом усилить эмоциональность и семантическую емкость текстов ее произведений.

Ключевые слова: М. Цветаева, поэма-сказка «Молодец», фольклор, фольклоризм, аппозитивные сочетания.

Информация об авторе: Ольга Александровна Полякова — кандидат филологических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), ул. Большая Садовая, д. 69, 344002 г. Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: ruter_olga@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.01.2019

Дата публикации: 28.12.2019

Для цитирования: Полякова О. А. Модель народно-поэтических аппозитивных сочетаний в поэме-сказке М. Цветаевой «Молодец» // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 184–196.

Для русской культуры в целом и русской литературы в частности всегда было характерно обращение к фольклору как средоточию мудрости народа, знаний предков

об окружающем мире, источнику объяснения мифологических, религиозных, социальных особенностей их жизни. Исследователи взаимовлияния фольклора и современной культуры (в области музыки, литературы, дизайна и т. д.) [1; 6–8; 16 и др.] отмечали, что под влиянием фольклорных традиций (прежде всего славянских) формировалось мировоззрение многих русских музыкантов, писателей, поэтов и т. п. При этом не бывает единообразного пути усвоения фольклора представителями более поздней культуры и одинаковых способов его обработки для формирования собственных художественных принципов и установок, поскольку этот процесс во многом зависит от конкретной исторической ситуации [7, с. 98]. В качестве терминологической основы можно взять определение фольклоризма, приведенное Е. А. Каминской, которая говорила в первую очередь о проявлениях фольклоризма в музыке, однако те же характерные черты присущи и фольклоризму в литературе: фольклоризм — это «особый феномен, рожденный в результате взаимодействия народной и профессиональной художественных систем и представляющий воплощенный художественными средствами индивидуально неповторимый образ произведения, созданного профессиональным художником, в тексте которого свойства фольклора представляют органичную, неотъемлемую и смыслонесущую составляющую» [8, с. 76–77].

В контексте литературного процесса вопрос о фольклоризме в литературе представляется безусловно важным, причем этим вопросом задавались в первую очередь сами писатели, поскольку от того, как они воспринимали и трактовали это взаимовлияние, зачастую зависела реализация творческого замысла. О слиянии литературы и фольклора говорил, например, Л. Толстой: «В Средние века, в XI веке, поэзия была общая — народа и господ, *les cortois* и *les villains*, потом разделилась, и *les villains* стали подделываться под господскую, а господа — под народную. Надо, чтобы пришло опять соединение» [18, с. 137]. Однако над проблемой соединения «господского» языка с народным размышляли не только известные писатели. Немалую лепту внесли и еще должны внести филологи-языковеды, поскольку изучение языка фольклора позволит разрешить или хотя бы прояснить многие проблемы русистики, к коим, например, относится вопрос о грамматической связи в характерных как для фольклорных текстов, так и для современной речи аппозитивных сочетаниях, или, как их традиционно называют, сочетаниях слов с приложениями [9; 11; 12 и др.]. Значимо исследование языка фольклора и для исторической лексикологии и лексикографии. Наконец, исследование устного народнопоэтического материала позволяет точнее охарактеризовать идиостиль писателя, если использование каких-либо фольклорных элементов и приемов для него характерно. Все это обуславливает актуальность исследования средств фольклора и их трансформации в творчестве авторов произведений художественной литературы.

На наш взгляд, правильнее говорить не о слиянии фольклора с литературой, а о его усвоении и переработке различными способами. Таких путей как минимум два: автор может «цитировать» фольклор (т. е. напрямую вставлять в свои произведения фрагменты фольклорных текстов, элементы фольклорной речи, заимствовать фольклорные образы и сюжеты) или создавать тексты, стилизованные под фольклор, обрабатывать фольклорные тексты так, чтобы получались вариации, «парафразы на народные темы, сочинения “в народном духе”» [8, с. 77].

Один из аспектов изучения языка фольклора — это анализ аппозитивных сочетаний, которые характерны как для русского фольклора, так и для творчества русских писателей, активно к нему обращавшихся, в частности для поэтического идиолекта М. Цветаевой.

Как пишет Н. В. Корнилов, «в отечественной лингвистике под аппозитивными обычно принято понимать сочетания, состоящие из приложений и определяемых слов (сосед-молдаванин, техник Сидоров, в кинотеатре “Русь”» [9, с. 1314]. Это должны быть сочетания слов в одинаковой грамматической форме (при этом они могут совпадать как по всем грамматическим категориям, так и по некоторым из них), составляющие единое смысловое целое, т. е. это слова, как правило принадлежащие к одним и тем же частям речи, в которых грамматические отношения или не выражены, или выражены частично. В современной лингвистике они рассматриваются на разных языковых уровнях (в разделах лексикологии, синтаксиса и т. д.) и также именуется геминацией, парными словами, сложными словами и т. п.

Для фольклора характерны парные сочетания имен существительных типа *путь-дорога, тоска-кручина, хлеб-соль* и т. д.

Многоплановы, неоднозначны и взгляды на природу, продуктивность и сферу распространения аппозитивных сочетаний. Подобные явления встречаются в разных языках, в том числе в тюркских, некоторых европейских (включая славянские), но больше всего их в финно-угорских языках и русском, причем в русском их значительно больше, чем в других славянских. О. Б. Ткаченко объясняет эту особенность русского языка финно-угорским субстратом [17, с. 211–213]. Однако независимо от взгляда на происхождение таких сочетаний они всегда рассматриваются как стилистически маркированные элементы языка и признаются сильным средством поэтической выразительности. Так, по мнению Ю. А. Потаповой, исследовавшей творчество Ф. Абрамова, компоненты аппозитивных сочетаний «уточняют значение определяемого слова, дают ему другое название, как бы оценивают, тем самым играют важную роль при восприятии информации и понимании авторской оценки изображаемого» [13, с. 116]. Как полагает А. С. Малахов, исследовавший аппозитивные сочетания в текстах В. Солоухина, они выполняют номинативную, оценочную, характеризующую, релятивную, уточняющую и стилистическую¹ функции, «помогают автору лаконично охарактеризовать какое-нибудь явление с одной или нескольких сторон», выразить собственное к нему отношение [10, с. 62].

Все исследователи отмечают, что такие сочетания весьма характерны для традиционной русской поэтики. Причина внимания писателей к этому важному элементу стиля состоит, видимо, в том, что, по мнению Л. В. Зубовой, парные слова до сих пор сохраняют свою первобытную образность, выражая ее в кратчайшей форме [5, с. 50].

Существует множество классификаций аппозитивных сочетаний. Так, Т. А. Бертагаев выделил два типа таких сочетаний, взяв за основу грамматические отношения между их компонентами. Это однородные сочинительные сочетания типа *шутки-прибаутки, мед-пиво* и атрибутивные сочетания типа *красавица-зорька, казаки-усачи*. Совершенно очевидно, что в первом случае компоненты сочетания равноправны, связь сочинительная, а во втором связь подчинительная и можно легко выделить определяющее и определяемое слова [2, с. 37]. Несколько иную классификацию предлагал А. А. Потебня. В ее основе лежит принцип деления аппозитивных сочетаний по семантическому признаку. А. А. Потебня выделил три группы парных слов, а именно: атрибутивные сочетания (*рать-сила, кот-баюн*), сочетания типа «двандва», т. е. выражающие обобщенное значение (*род-племя, калина-малина*), и тождество, в котором преобладают собственно синонимические сочетания (*огонь-пламя, вьюга-метелица*) [14, с. 102, 415, 433].

¹ Мы бы назвали ее стилизующей, т. е. делающей текст похожим на традиционный фольклорный.

В основе нашей работы лежит классификация, предложенная Л. В. Зубовой, с некоторыми изменениями и дополнениями [5]. Принципом деления аппозитивных сочетаний на группы является лексико-семантический признак. Различают геминацию тавтологическую (*умом-разумом*) и семантическую, в которой отношения между компонентами могут быть:

- a) полностью синонимические (*огонь-пламя*);
- b) частично синонимические (*пора-время*);
- c) определительные (*скатерть-самобранка*);
- d) коллективные (типа «двандва» — *хлеб-соль*);
- e) сравнительные (*молодец-пожар*);
- f) созвучные сочетания (*вАлом-вАром*).

Сочетания с приложением (*отец-инженер*) и составные наименования (*диван-кровать*) обычно отделяют от аппозитивных в современном русском языке, хотя различия между всеми этими типами сочетаний не исконные.

В поэме-сказке М. Цветаевой «Молодец» [20] насчитывается чуть более ста аппозитивных сочетаний различных типов, при этом большую часть из них трудно отнести к какому-либо определенному типу. Чаще всего эти сочетания характеризуются смешанной семантикой, однако соотношение так называемых «чистых» и смешанных сочетаний различно по группам. Так, например, все парные слова, относимые к тавтологической группе, обладают либо графической, либо графической и семантической повторяемостью (*плоть — не плоть, ждет-пождет, растяг-взрачивают* и т. д.), и среди них нет смешанных. Напротив, практически все сочетания с повтором фонем, или созвучные сочетания, по своей семантике входят в различные группы: *встряхнет-ся-встрепенется* (созвучие + полная синонимия), *храп-тот-сап* (созвучие + коллективная геминация), *по лазуркам-закоулкам* (созвучие + частичная синонимия) и т. д.

Для поэтического идиолекта М. Цветаевой характерно использование не готовых фольклорных аппозитивных сочетаний (например, *гуси-лебеди, руки-ноги*), а структурно-семантической модели этих сочетаний. Можно даже сказать, что готовых устойчивых сочетаний она избегает, но часто употребляет их в преобразованном виде. Разные приемы преобразования таких сочетаний способствуют актуализации модели. Моделью чаще всего оказывается именно структура аппозитивных сочетаний, хотя иногда один из компонентов устойчивого фольклорного сочетания, обладающего признаками фразеологической единицы, составляет основу авторской языковой единицы и остается неизменным, в то время как вторая часть аппозитивного сочетания отличается от фольклорного. Так, в поэме-сказке «Молодец» зафиксировано два индивидуально-авторских сочетания с частью *жар-*, которая в классическом фольклоре входит в состав фразеологической единицы *жар-птица*: это *жар-костер* и *уголь-жар*. Если в сочетании *жар-костер* возникают чисто атрибутивные отношения (*жаркий костер*), то в сочетании *уголь-жар* наряду с атрибутивными нетрудно выделить и синонимичные отношения, потому что словарь В. И. Даля дает следующее толкование для слова *жар*: «1) сильная степень тепла от чего-либо; 2) горящий или тлеющий уголь» [4, т. 1, с. 526]. В цветаевском контексте реализуется второе значение. При этом сочетание *уголь-жар* в целом является контекстуальным синонимом к слову *польмя*.

Проанализируем другой пример цветаевского аппозитивного сочетания на основе фразеологизма, который в тексте поэмы-сказки «Молодец» реализуется в трех вариантах: в традиционном по форме, общеязыковом (*через пень-колоду*), а также в трансформированных (*через пень-кол, через пень-кол-колеи*). По одной из версий, фра-

зеологизм *через пень-колоду* произошел из речи лесорубов от сравнения [*делать что-л. как через пень колоду валить; валить, как через пень колоду*, т. е. так же неудобно, как тащить через пень толстое бревно [15]. Изначально дефиса в этой фразеологической единице не было, но когда слово *валить* исчезло из фразеологизма и носители языка его переосмыслили, слова *пень* и *колода* стали частями синонимического аппозитивного сочетания. Цветаева в русле коллективного переосмысления фразеологизма соединяет эти слова дефисом, позиционируя их именно как аппозитивное сочетание. Кроме того, изменяя вторую часть сочетания, она получает еще два новых, индивидуально-авторских: *через пень-кол* и *через пень-кол-колеи*. Наконец, автор придает сочетанию *через пень-колоду* новое значение, выявляемое в контексте: *Маруся бросается «через пень-колоду — топом, // Через темь-болото — следом, // Табуном-летит-потопом, // Чугуном-гремит-железом, // Через пень-кол топает, // Воротами хлопает».*

Фразеологизм *через пень-колоду* означает «плохо, небрежно, кое-как [что-либо делать. — О. П.]...; с перебоями, заминками, промедлениями (идти, развиваться и т. п.)...» [19]. У Цветаевой *бежать через пень-колоду*, так же как и *через пень-кол*, означает «через лес» (это значение актуализировано в том числе посредством расположенного рядом в контексте аппозитивного сочетания *через темь-болото*). Поскольку Молодец — это парень из чужой, соседней деревни, из отрывка «— Чего ж, дочка, бледная? // Чего ж, дочка, потная? // — Деревня-то — эвона! // *Через пень-кол* топала!» следует, что деревня эта далеко, а путь к ней лежит через лес.

Однако у Цветаевой есть еще одно созвучное сочетание — *через пень-кол-колеи*, настолько семантически и структурно сложное, что его трудно однозначно отнести к какому-то типу. По тексту, Маруся сидит у тела умершего брата в отсутствие матери и размышляет: «Куды кинусь? Куды денусь? // Ведь три — твоих свечечки! // Есть кто? — // Чу! // Задуло свечу. // Отзо — вись! // Две разом сдались // И: // *С хрипом — с криком через пень-кол-колеи...* // Как на страшный на суд // Ноги сами несут». Во-первых, парное сочетание *пень-кол* распространено в данном случае третьим элементом — *колеи*. Трехчленные аппозитивные сочетания для народной традиции менее характерны. Во-вторых, объединив члены этого аппозитивного сочетания попарно, получаем: 1) сочетание *пень-кол* в значении «лес», уже проанализированное выше; 2) сочетание *кол-колеи*, т. е. сочетание с отзвуком, которое несет семантическую нагрузку испуга, заикания, быстрого бега, сбивчивого дыхания и подтверждается контекстуально, в том числе междометием «чу!» и графически оформленным, разделенным тире глаголом «Отзо — вись!» Сочетание *пень-кол-колеи* в целом означает преграды, препятствия на пути Маруси и приобретает оттенок коллективного значения.

Особо следует отметить такое специфическое свойство аппозитивных сочетаний в идиолекте М. Цветаевой, как их проницаемость. Вставки между компонентами сочетаний многочисленны и разнообразны. Так, например, глагольная вставка содержалась в поэме в двух сочетаниях: *табуном-летит-потопом, чугуном-гремит-железом*. При этом глагол-сказуемое относится к подлежащему, находящемуся за пределами сочетания. Вообще, вставка глагола-сказуемого характерна для эпических жанров фольклора, а вставка местоимения, причастия или прилагательного в роли определения к одному из элементов аппозитивного сочетания придает стихотворной строке интонацию причета: *яблочко-некусанное-плод, кровь-всполохнутая-страх, сугроб — белая гора*. Исходя из того, что жанр «Молодца» — поэма-сказка на народный сюжет, он предполагает наличие вставок и того и другого типа. Среди местоименных вставок преобладают притяжательные местоимения *мой, моя*, их пять: *цвет мой — найденыш, князь мой —*

затворник, голова-моя-держава, голова-моя-пропажа, голова-моя-завалы. Дважды встречается в качестве вставки сочетание притяжательного местоимения *моя* с причастиями: *кровь моя — нарушенная — робь, рожь моя — нерушенная — мед.* По одному разу встречаются вставка — личное местоимение (*крест-тебе-ключ*) и вставка — указательное местоимение (*храни-тот-сан*). Подобная вставка резко контрастирует с другими компонентами аппозитивного сочетания, обладая иным набором грамматических признаков. Это способствует актуализации внимания читателя на конкретном примере, делает образ более эффективным, а эпитет — ярким. Иногда подобная вставка обусловлена еще и ритмическими требованиями звуковой организации стиха, она удлиняет сложное слово как минимум на один слог, придает фразе определенный интонационный оттенок, особенно если элементы сочетания находятся в отношениях частичной синонимии или «двандва»: *табуном-летит-потопом, чугуном-гремит-железом.* Эти очень длинные аппозитивные сочетания формой подчеркивают семантику множественности, потока, бесконечного неконтролируемого движения (*табуном-летит-потопом*) или непрерывного раздражающего звука (*чугуном-гремит-железом*), что усилено в том числе четкой ритмичностью и аллитерационной организацией фраз.

Повтор предлогов при обеих частях аппозитивного сочетания сближает синтаксический строй цветаевской строки со строем древнерусского и фольклорного синтаксиса: *с хрипом — с криком, с дедами — с отцами, в лентах — в ржавостях, в серьгах — в блескотах.*

Если вставка многокомпонентна, например *рожь моя — нерушенная — мед*, где вставкой являются лексемы *моя* и *нерушенная*, она придает тексту протяжность, разговорность, некую детализацию, что, в принципе, свойственно языку фольклора.

В поэме-сказке «Молодец» содержались три трехчленных аппозитивных сочетания, три четырехчленных и одно пятичленное (отметим, что слова служебных частей речи мы не выделяем в качестве самостоятельных компонентов). По мнению Т. А. Бертагаева, для русского языка не характерна более чем трехчленная структура аппозитивных сочетаний, причем даже трехкомпонентные единицы очень редки и «сохраняют при этом бинарную структуру, так как внутри таких сочетаний одно слово аппозитивно сочетанию двух других» [2, с. 45–46]. Специфической чертой языка М. Цветаевой является наличие в нем аппозитивных сочетаний, состоящих более чем из трех частей. При этом мы находим сочетания такие, как описывает Т. А. Бертагаев, например *крест-разъезд-развилье-раздорожье-судьба*, когда сохраняется бинарная структура. Согласно толковому словарю В. И. Даля, слова *крест, разъезд, развилье* и *раздорожье* имеют одно и то же значение: «перекресток, распутье» [4, т. 2, с. 190; 4, т. 4, с. 54, 18, 27]. Таким образом, между четырьмя частями пятичленного сочетания устанавливаются отношения полной синонимии, а пятый компонент находится в бинарной оппозиции к четырем первым. Основную смысловую нагрузку при этом несет слово *крест*, которое, имея второе значение — «судьба» (например, у Даля — «нести свою судьбу, нести свой крест»), по сути, дублирует замыкающий элемент сочетания, т. е. возникает своего рода синонимическая рамка *крест — судьба*.

Однако в поэме-сказке «Молодец» мы находим и сочетания другого типа: анализируя их компоненты, мы не можем охарактеризовать их как бинарные, поскольку их компоненты равнозначны по смыслу и чем-то подобны друг другу. Грамматическую связь в таких аппозитивных сочетаниях можно охарактеризовать как сочинительную. Так, сочетание *ладком — в складчину — да в гладь* основано на сходстве фонем в корнях *лад-, клад-, глад-*. Аппозитивное сочетание *брык-скок-бег-лет* представляет собой

незамкнутый ряд отглагольных существительных, кратких по форме и соединенных дефисами, что способствует передаче стремительности, быстроты действий и означает различные способы, применяемые Марусей, чтобы вырваться из рук барина. В сочетании *торопом-шорохом-ворохом* синтаксическое равенство элементов определяется последовательностью контекстуальных паронимов, различающихся одним-двумя звуками; при этом трехчлен в целом создает ощущение бесформенной, быстро и с шумом мчащейся массы, сумятицы, замороченности, отраженное в не входящем в аппозитивное сочетание слове-парониме мороком, которое отделено от трехчлена тире. Четырехчленные сочетания *шаром-жаром-жигом-граем* и *кони-сани-возжи-гривы* также создают ощущение сумятицы, множества и бесформенности, размытости толпы гостей-нечисти: «Вести — шаром, // Гости — шастом... // Шаром-жаром-жигом-граем...» И дальше: «Ровно граи вороны // С гнезда согнаны. // Кони-сани-возжи-гривы — // верста огненна!»

Как видно из представленного анализа, в аппозитивных отношениях могут находиться не только имена существительные, но и слова других частей речи. Сочетания глаголов, прилагательных, местоимений, наречий немногочисленны в общенародном литературном языке, но их модель так же, как и модель парных существительных, продуктивна для М. Цветаевой, в идиолекте которой встречаются, например, такие сочетания: *любились-сватались, угощал-потчевал, сплю — не слышу, стоять-оплакивать, справа-налево, слева-направо, безданно-беспошлинно, тысячами-стами, не три — не четыре, (сброд) красен-незван, за сладким — за крепким, передние-задние, ближние-дальние* и т. д.

Иногда М. Цветаева соединяет дефисом существительное с прилагательным: *Велик-день, снега-белы, куст-невелик, голос-жив, барин-млад, уголь-чист*. Аппозитивные сочетания *кось-околица, дичь-лебедя, темь-болото, бубен-барин* можно трактовать и как сочетания существительных, и как сочетание исторического краткого прилагательного с существительным. Сочетания с краткими прилагательными (*страна-ровна*) и компонентами, осознаваемыми в современном языке как существительные (*дичь-лебедя*) синтаксически объединяются в одну группу, а именно в группу аппозитивных сочетаний с определительными, атрибутивными отношениями. А «недифференцированность краткого прилагательного и существительного с той же основой — характерная черта языка фольклора» [5, с. 53], унаследованная еще из праславянского языка. При этом важно понимать, что зачастую критерием, позволяющим отнести сложные лексические конструкции, компоненты которых обладают схожими грамматическими признаками, к аппозитивным сочетаниям, является дефис, который во многих случаях с позиций нормы легко заменим на запятую либо отсутствие знака, что относит вопрос о разграничении аппозитивных и грамматически подобных им сочетаний к числу спорных. В традиционном понимании перечисляемые однородные члены предложения отделяются друг от друга запятой, например: «Последняя капля // Иссякла, потухла..., // Потухла, // Поникла, // Погасла...» Однако этот различительный признак применяется Цветаевой далеко не всегда последовательно (*схватил-замер-ждет*). Запятая в таких случаях передает неторопливую смену событий, картин окружающего мира, а дефис — стремительные, почти не отделимые одно от другого действия, декорации, сливающиеся в одну. Существуют между ними и произносительные (ритмико-мелодические) различия. Так, аппозитивные сочетания произносятся как одно сложное слово, допускающее перед собой и после себя паузу. Подобно обычным сложным словам аппозитивные сочетания могут иметь несколько ударений — основное и ослабленное,

побочное, а также одно повышение голоса, как правило на втором компоненте, если сочетание двучленное, и два повышения, в середине и в конце, если сочетание многочленное. Что же касается однородных членов предложения, характеризующихся значением перечисления, то это перечисление в речи выражается выдыхательным ударением на каждом слове и паузами, отделяющими одну лексическую единицу от другой, а также характерным интонационным рисунком.

Кратко охарактеризуем основные функции аппозитивных сочетаний по типам.

1. Тавтология. Хотя Ф. И. Буслаев и А. А. Потебня придерживались широкого понимания тавтологии (или тождесловия), включая сюда не только сочетания однокоренных слов, но и синонимию, их функциональная характеристика тавтологии, безусловно, верна: «Тавтология придает речи большую силу и одушевление» [3, с. 180]. В нашем понимании тавтология — это повтор одного и того же корня либо лексемы в целом: *сорвется-оторвется, плоть — не плоть*. При этом с помощью корневого повтора, как правило, усиливается значение корня, ему придается большая выразительность, например *ждет-пождет*, а повтором слова в целом, когда перед вторым компонентом стоит отрицательная частица *не*, например *сон — не сон, Иван — не Иван*, создается ощущение неопределенности, вязкости, промежуточного состояния.

2. Полные синонимы. Сочетания полностью совпадающих по значению слов являются неотъемлемой частью фольклорного стиля. Чаще всего у Цветаевой они служат для передачи стилистических различий (*угощал-потчевал, скажись-объявись*), поэтому их можно рассматривать в ряду средств экспрессивной синонимии. В цветаевской поэме есть следующие типы сочетаний синонимов: обе части сочетания совпадают в литературном языке и диалектах (*встряхнется-встрепенется*); диалектное слово сочетается с литературным (*крест-разъезд-развилье-раздорожье-судьба*, где *крест* означает «перекресток, распутье» в нижнетверском диалекте); сочетание архаичного слова с литературным (*укрепом-охраной*); сочетание двух архаичных слов (*пыльцем-пеклом*).

3. Частичные (контекстуальные) синонимы. Функции, которые выполняют такие синонимы, — это демонстрация богатства языка, оттенков значения, тончайших его нюансов. По мнению А. А. Потебни, «сочетание синонимов, слов различного происхождения должно рассматриваться как средство создать новое значение» [14, с. 433]. В синонимических парных сочетаниях очень важной функциональной составляющей является уточнение значения как особый элемент усиления, например, *сплю — не слышу, стояло — не трогало*. В компонентах таких сочетаний можно выделить общую для обеих частей сему, но полными синонимами они, конечно, не являются.

4. Сочетания с коллективными отношениями типа «двандва». Как справедливо заметил А. А. Потебня, зачастую бывает трудно отделить синонимы от коллективных сочетаний. Дело в том, что многие пары, воспринимаемые как синонимы в современном языке, исконно такими не были, поэтому считать образования типа *путь-дорога* (а у Цветаевой, например, *безданно-беспошлинно*) синонимами можно лишь с оговорками. «К этому совпадению говорящий приведен постепенным ходом своей собственной или унаследованной мысли» [14, с. 433]. Подобные исконно несинонимичные пары относят к типу «двандва». Двандва — это способ сложения, свойственный всем славянским языкам древнего периода. Если парные синонимы обозначают один и тот же предмет, но могут относиться к разным понятиям и выражаться разными словесными средствами, то парные слова типа «двандва» создаются в результате слияния двух представлений в одно, более общее и сложное. Составные части таких образований обозна-

чают разные предметы. При этом одни сочетания «двандва» обозначают понятия, для выражения которых в русском языке есть соответствующие слова (*с дедами — с отцами* — ‘с предками’), для других подобных соответствий может и не быть (*сустав-хрящик*, условно можно определить общее значение как «место сочленения костей»).

5. Определительные отношения. А. А. Потебня говорит о том, что в славянских наречиях существительное, несмотря на его значение и на то, что формально оно отличается от прилагательного, нередко заменяет определительное прилагательное. При этом атрибутивность существительного должна увеличиваться по направлению к древности [14, с. 103], т. е. наличие атрибутивных существительных в поэме-сказке «Молодец» — это один из признаков удачной цветаевской стилизации под архаичный фольклор.

6. Сравнительные отношения. По функциям эти аппозитивные сочетания близки к определительным, т. е. дают дополнительную характеристику одного из компонентов сочетания, ср. *в бусах — в тусклостях* — «в тусклых бусах» (определительные отношения); *горы-голова* — «голова, тяжелая, как горы» (сравнительные отношения). Отличия между ними заключаются лишь в том, что в сравнительных аппозитивных сочетаниях уточняющий компонент невозможно заменить прилагательным.

7. Сочетания с повтором фонем. В зависимости от характера повторяющихся фонем такие сочетания служат для передачи состояний героев (*кровь всполохнутая — страх*) либо для передачи атмосферы торопливости, суеты, внезапности, резкой смены событий (*встряхнется-встрепенется, торопом-шорохом-ворохом — мороком*). Эпифорические повторы выполняют функцию рифмизации поэтического текста, в том числе внутрисклонной, а общая функция всех фонетических повторов — ритмизация текста.

Таким образом, те отношения между членами аппозитивных сочетаний, или парных слов, которые существуют в общенародном русском языке, в художественном тексте становятся заметнее, ярче, в первую очередь благодаря тому, что словообразовательная модель актуализируется в исторически чужеродном контексте. Одна из важных функций аппозитивных сочетаний — это возможность для автора передать значительный объем информации более лаконично, дать более полную, детальную характеристику какого-либо предмета или явления, что, несомненно, делает использование подобных конструкций яркой чертой поэтического идиолекта М. Цветаевой, для творчества которой характерно стремление к максимальной семантической емкости слова [21]. Умение М. Цветаевой мастерски использовать выразительные свойства аппозитивных сочетаний свидетельствует о том, что при всем стилистическом многообразии и экспериментально-новаторской направленности ее поэтики значительное место в ее идиолекте занимает элемент традиционной народной культуры, отраженной в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Александров В. Ю. Фольклоризм М. Цветаевой (стихотворная поэтика, жанровое своеобразие): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 16 с.
- 2 Бертагаев Т. А. Об основных типах аппозитивных сочетаний в русском языке // Ученые записки МОПИ. 1955. Т. 32. Вып. 2. С. 37–52.
- 3 Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 248 с.
- 4 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978–1980. Т. 1. 699 с. Т. 2. 779 с. Т. 4. 683 с.

- 5 *Зубова Л. В.* Модель народно-поэтических аппозитивных сочетаний в поэзии М. Цветаевой // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1983. С. 49–58.
- 6 *Иванова Л. П.* Типология фольклоризма в русской музыке XX века: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2005. 35 с.
- 7 *Каминская Е. А.* Культурные смыслы традиционного фольклора как носителя пранаучного знания // Вестник славянских культур. 2015. № 2 (36). С. 92–100.
- 8 *Каминская Е. А.* Современный музыкальный фольклоризм в актуализации традиционного фольклора: функциональный аспект проблемы // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 76–82.
- 9 *Корнилов Н. В.* О грамматической связи компонентов в аппозитивных сочетаниях // Синергия наук. 2018. № 24. С. 1314–1319.
- 10 *Малахов А. С.* Аппозитивные сочетания во «Владимирских проселках» В. Соколоухина: функциональный аспект // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2016. № 3 (11). С. 58–62.
- 11 *Малахов А. С.* К вопросу о синкретизме грамматической связи в аппозитивных сочетаниях // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2014. № 1 (1). С. 62–69.
- 12 *Маркина С. В.* Параллелизм форм в аппозитивных сочетаниях // Русский язык в школе. 2010. № 1. С. 58–64.
- 13 *Потапова Ю. А.* Аппозитивные сочетания: функционально-семантический аспект (по произведениям Ф. Абрамова) // Вестник научных конференций. 2015. № 2–4. С. 115–117.
- 14 *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968. Т. 3. 551 с.
- 15 Справочник по фразеологии // Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/phrases?alpha=%D0%A7> (дата обращения: 21.10.2019).
- 16 *Тихонова Ю. В.* Хоровая музыка Валерия Калистратова: к проблеме «фольклор и композитор сегодня»: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2014. 24 с.
- 17 *Ткаченко О. Б.* Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков: дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1979. 299 с.
- 18 *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М.: ГИХЛ, 1951. Т. 53. 563 с.
- 19 *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка // Академик. URL: https://phraseology.academic.ru/8341/Через_пень_колоду (дата обращения: 21.10.2019).
- 20 *Цветаева М. И.* Молодец // *Цветаева М. И.* Стихотворения. Поэмы. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997. С. 626–686.
- 21 *Черных Н. В.* Семантическая емкость слова в рамках теории семантического поля (на материале поэзии М. И. Цветаевой): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2003. 293 с.

© 2019. Olga A. Polyakova
Rostov-on-Don, Russia

THE MODEL OF NATIONAL AND POETIC APPOSITIVE
COMBINATIONS IN THE POEM-FAIRYTALE BY M. TSVETAEVA
“THE SWAIN” (“MOLODETS”)

Abstract: The study deals with the analysis of structural, semantic and functional features of national and poetic appositive combinations in the poem- fairytale by M. Tsvetaeva “The Swain” (“Molodets”). The relevance of the subject is stemming from the fact that often only author’s knowledge of folklore bases and mechanisms of their assimilation allows us to understand true sense of his/her works. Writers and poets used to address folklore texts because the interaction of folklore (as a stronghold of folk wisdom) and fiction (as a means of preservation and transferring of the experience, accumulated by generations, to descendants) has always been fruitful. The paper provides classification of appositive combinations basing on the lexical-semantic principle; the main functions of appositive combinations depending on the type are identified. The author comes to the conclusion that M. Tsvetaeva has created author's appositive combinations relying on the existing folklore models that enabled her to stay within the tradition, yet at the same time to enhance emotionality and semantic capacity of her works.

Keywords: M. Tsvetaeva, poem-fairytale “The Swain” (“Fine fellow”), folklore, folklorism, appositive combinations.

Information about author: Olga A. Polyakova — PhD in Philology, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RINKh), Bolshaya Sadovaya St., 69, 344002 Rostov-on-Don, Russia. E-mail: ruter_olga@mail.ru

Received: January 12, 2019

Date of publication: December 28, 2019

For citation: Polyakova O. A. The model of national and poetic appositive combinations in the poem-fairytale by M. Tsvetaeva “The Swain” (“Molodets”). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 54, pp. 184–196. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Aleksandrov V. Iu. *Fol'klorizm M. Tsvetaevoi (stikhotvornaia poetika, zhanrovoe svoeobrazie)* [Folklorism of M. Tsvetaeva (verse poetics, genre originality): PhD thesis, summary]. Moscow, 1989. 16 p. (In Russian)
- 2 Bertagaev T. A. Ob osnovnykh tipakh appozitivnykh sochetanii v russkom iazyke [About the basic types of appositive combinations in Russian]. *Uchenye zapiski MOPI*, 1955, vol. 32, issue 2, pp. 37–52. (In Russian)
- 3 Buslaev F. I. *O prepodavanii otechestvennogo iazyka* [On the teaching of the native language]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1941. 248 p. (In Russian)
- 4 Dal' V. I. *Tolkovyii slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1978–1980. Vol. 1. 699 p. Vol. 2. 779 p. Vol. 4. 683 p. (In Russian)
- 5 Zubova L. V. Model' narodno-poeticheskikh appozitivnykh sochetanii v poezii M. Tsvetaevoi [Model of folk-poetic appositive combinations in M. Tsvetaeva's

- poetry]. *Iazyk zhanrov russkogo fol'klora* [Language of genres of Russian folklore]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU Publ., 1983, pp. 49–58. (In Russian)
- 6 Ivanova L. P. *Tipologiiia fol'klorizma v russkoi muzyke XX veka* [Typology of folklorism in Russian music of the 20th century: PhD thesis, summary]. St. Petersburg, 2005. 35 p. (In Russian)
- 7 Kaminskaia E. A. Kul'turnye smysly traditsionnogo fol'klora kak nositelia pranauchnogo znaniia [Cultural meanings of traditional folklore as a carrier of the pre-scientific knowledge]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2015, no 2 (36), pp. 92–100. (In Russian)
- 8 Kaminskaia E. A. Sovremennyi muzykal'nyi fol'klorizm v aktualizatsii traditsionnogo fol'klora: funktsional'nyi aspekt problemy [Modern musical folklorism in the actualization of traditional folklore: functional aspect of the issue]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 76–82. (In Russian)
- 9 Kornilov N. V. O grammaticheskoi sviazi komponentov v appozitivnykh sochetaniiakh [On grammatical connection of components in appositive combinations]. *Sinergiia nauk*, 2018, no 24, pp. 1314–1319. (In Russian)
- 10 Malakhov A. S. Appozitivnye sochetaniia vo “Vladimirskikh proselkakh»” V. Soloukhina: funktsional'nyi aspekt [Appositive combination in the “Vladimir country roads” by V. Soloukhin: functional aspects], *Vestnik VIGU. Serii: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki* [Series: Social Sciences and Humanities], 2016, no 3 (11), pp. 58–62. (In Russian)
- 11 Malakhov A. S. K voprosu o sinkretizme grammaticheskoi sviazi v appozitivnykh sochetaniiakh [Revisiting the syncretism of grammatical relationships in appositive combinations]. *Vestnik VIGU. Serii: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki* [Series: Social Sciences and Humanities], 2014, no 1 (1), pp. 62–69. (In Russian)
- 12 Markina S. V. Parallelizm form v appozitivnykh sochetaniiakh [Parallelism of forms in appositive combinations]. *Russkii iazyk v shkole*, 2010, no 1, pp. 58–64. (In Russian)
- 13 Potapova Iu. A. Appozitivnye sochetaniia: funktsional'no-semanticheskii aspekt (po proizvedeniiam F. Abramova) [Appositive combinations: functional-semantic aspect (on the works of F. Abramov)]. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, 2015, no 2–4, pp. 115–117. (In Russian)
- 14 Potebnia A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From the notes on Russian grammar]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. Vol. 3. 551 p. (In Russian)
- 15 Spravochnik po frazeologii [Handbook of phraseology]. *Gramota.ru*. Available at: <http://new.gramota.ru/spravka/phrases?alpha=%D0%A7> (accessed 21 October 2019). (In Russian)
- 16 Tikhonova Iu. V. *Khorovaia muzyka Valerii Kalistratova: k probleme “fol'klor i kompozitor segodnia”* [Choral music of Valery Kalistratov: on the issue of “folklore and the composer today”]: PhD thesis, summary]. Moscow, 2014. 24 p. (In Russian)
- 17 Tkachenko O. B. *Sopostavitel'no-istoricheskaiia frazeologiiia slavianskikh i finno-ugorskikh iazykov* [Comparative-historical phraseology of Slavic and Finno-Ugric languages: PhD thesis, summary]. Kiev, 1979. 299 p. (In Russian)
- 18 Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Moscow, GIKHL Publ., 1951. Vol. 53. 563 p. (In Russian)
- 19 Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. *Akademik*. Available at: https://phraseology.academic.ru/8341/Cherez_pen'_kolodu (accessed 21 October 2019). (In Russian)

- 20 Tsvetaeva M. I. Molodets [Ашты fellow]. *Stikhotvoreniia. Poemy* [Verses. Poems]. Moscow, RIPOL KLASSIK Publ., 1997, pp. 626–686. (In Russian)
- 21 Chernykh N. V. *Semanticheskaia emkost' slova v ramkakh teorii semanticheskogo polia (na materiale poezii M. I. Tsvetaevoi)* [Semantic capacity of the word in terms of the theory of semantic field (as exemplified by M. I. Tsvetaeva's poetry): PhD thesis, summary]. Rostov-na-Donu, 2003. 293 p. (In Russian)